

Грохот!

Ло Ижань мгновенно провалился во тьму: Линь Ло среагировал быстрее всех, полностью накрыв его своей ладонью.

Когда зрение отключилось, слух обострился до предела. До него отчетливо донеслись звон разлетающихся осколков, чьи-то панические крики и глухие удары — люди в спешке пытались укрыться от опасности.

Вскоре суматоха улеглась. Линь Ло убрал руку и с неподдельной тревогой спросил:

— Жань-жань, ты в порядке? Не ранен?

Ло Ижань посмотрел на него. На щеке и предплечье парня темнели свежие царапины, проступала кровь, но тот словно и не замечал этого, преданно и взволнованно заглядывая кукле в лицо:

— Точно не задело?

Ло Ижань на мгновение замер, а затем мягко, успокаивающе улыбнулся:

— Нет, всё хорошо.

«Ну и актерская игра. Просто блеск.»

Пострадали только Линь Ло и Тан Бай — остальные успели увернуться или найти укрытие.

Ли Цифэн нахмурился, отряхивая одежду от пыли:

— Как вы? Я вызову врача.

— Не стоит, спасибо, дядя, — тут же отозвался Тан Бай. — Пустяки, обычные царапины.

— Мне тоже не надо! — буркнул Линь Ло. — На прошлой неделе я расшибся куда сильнее.

Ли Цифэн мысленно вздохнул с досадой. Он ведь собирался проверить, позволит ли логика этого игрового сценария призвать кого-то со стороны...

— На креплении старые трещины, — Чжан Мими озадаченно взъерошил свои крашенные желтые волосы. Он подозревал, что люстру обрушил кто-то из присутствующих, но работа была

проделана слишком чисто. Да и бросаться обвинениями опасно — можно легко нарушить роль. Поэтому он озвучил лишь очевидное: — Похоже на несчастный случай.

Слова «похоже на» оставляли простор для трактовок, так что предупреждения о нарушении характера персонажа Чжан Мими не получил.

Впрочем, большинство игроков прекрасно понимали: вероятность саботажа составляла процентов девяносто. Вот только заявить об этом вслух никто не решался.

Ло Ижань мельком взглянул на тётушку-экономку и повернулся к Ли Цифэну:

— Дядя, эта люстра здесь давно висит?

Ли Цифэн, который до полуночи досконально изучил содержимое своего игрового телефона и помнил почти всё, перевел строгий взгляд на прислугу:

— Я ведь просил тебя на днях найти мастера и заменить её на точно такую же...

Лицо тётушки тут же исказилось виноватой гримасой:

— Простите, господин, я обошла все магазины, но такой модели больше не выпускают.

Ло Ижань прищурился, разглядывая осколки на полу. Металл креплений действительно выглядел изношенным.

«И всё же это не доказывает её невиновность, — размышлял Ло Ижань. — Свалить вину на ветхость — самый удобный трюк. Наверняка её рук дело. Будь это случайностью, её странная ухмылка в момент падения люстры точно привела бы к системному предупреждению за выход из роли.»

Но развивать эту тему он не мог. По сценарию Ло Ижань не являлся членом семьи Линь, и лишнее любопытство выглядело бы подозрительно.

Падение тяжелой люстры — происшествие не из приятных. Праздничная атмосфера была безнадежно испорчена, и торжество пришлось свернуть. При тусклом свете уцелевших настенных бра Линь На опустилась на колени и принялась собирать осколки.

— Простите... — едва слышно прошептала она.

Ей ответил лишь ядовитый смешок Линь Ло:

— И что с твоих извинений? Если бы осколок попал...

Он осекся на полуслове, но красноречиво покосился на Ло Ижаня.

«Какая поразительная самоотдача, — мысленно хмыкнул Ло Ижань. — Переигрываешь, приятель.»

Линь Е хмуро наблюдал за Линь На. В реальном мире он почти не общался со своей названной сестрой — они перекидывались лишь парой фраз после того, как случайно пересеклись в этой игре. Но из рассказов матери он помнил её как девушку бойкую и упрямую, которая никогда не лила слезы попусту.

«Неужели такова её роль в этом сценарии? — размышлял он. — И ещё...»

Вдобавок ко всему, Линь Е только что сам совершил ошибку, получив предупреждение от системы. Это случилось в тот момент, когда он попытался оттащить Линь На, выкрикнув предупреждение об опасности.

«Почему это сочли выходом из роли? Мой персонаж не должен защищать сестру? Или ему в принципе чуждо желание спасти других?»

Размышления увели его глубоко в себя.

В отличие от Линь Е, Ло Ижань склонялся к другой версии: Линь На контролировали извне.

Даже идеальный актер не смог бы сыграть такой диссонанс: её тело и мимика выражали одно, а в глубине глаз застыл совершенно иной, чуждый ужас. Подобное происходит, когда разум теряет власть над физической оболочкой, и лишь взгляд остается свободным.

Кому, как не кукловоду, знать такие тонкости.

О продолжении праздника не могло быть и речи, аппетит пропал даже у самых голодных. Вэйя велел экономке прибраться в гостиной, а гостям посоветовал расходиться по комнатам.

Линь На выглядела глубоко несчастной. С покрасневшими глазами она поднялась из-за стола, не поднимая головы:

— Я пойду к себе.

Останавливать её никто не стал. Девушка стремительно взбежала по лестнице.

Старшая сестра, всё это время державшаяся в стороне, проводила виновницу торжества равнодушным взглядом и молча ушла вслед за ней.

Вэйя едва сдерживал стон досады. Обычно он за словом в карман не лез и мог трепаться часами, но только на темы, которые интересны ему самому. Сейчас же ему приходилось взвешивать каждую фразу, строго следуя образу заботливой «матери семейства».

Ему пришлось долго и вежливо извиняться перед пятью друзьями Линь На за испорченный вечер, а после — строго наказывать Линь Ло обработать царапины.

Когда последний гость скрылся за дверью, Вэйя мысленно выдохнул, поражаясь собственной способности удерживать чужую маску.

Ло Ижань перевел взгляд на Ся Лана. Тот вел себя на редкость тихо с тех пор, как получил предупреждение за нарушение роли. По сценарию Ся Лан был старостой класса. Странно, но в его телефоне почему-то хранились списки учеников со всей параллели.

Судя по этим записям, Ся Лан, Линь Ло, Линь На и сам Ло Ижань учились в одной параллели, но в разных классах (за исключением Ло Ижана и Линь Ло). Следовательно, Ло Ижань должен был воспринимать Ся Лана лишь как случайного знакомого, сестру своего друга.

Из-за этих условностей Ло Ижань не мог подойти к Ся Лану и заговорить, чтобы тот не поддавался нахлынувшим воспоминаниям. К тому же ситуация, в которой оказалась Линь На в этом игровом мире, судя по всему, слишком сильно напоминала Ся Лану его собственное прошлое, бередя старые раны.

Ся Лан стоял, понутив голову и ни на кого не глядя. Его лицо казалось отрешенным, мысли блуждали где-то далеко.

Ло Ижань лихорадочно соображал, как бы незаметно подать ему знак, но вмешался Вэйя. С холодным и строгим выражением лица он обратился к Ли Цифэну:

— Сегодня я посплю с Лан-ланом. Падение люстры его сильно напугало, я за него беспокоюсь.

Хоть Вэйя и любил испытывать судьбу, он обладал огромной силой и устойчивой психикой. Рядом с ним Ся Лану точно ничего не грозило — это было куда безопаснее, чем оставлять его одного.

Ло Ижань мысленно облегченно вздохнул. А вот самому Вэю было не до радости. На самом деле он отчаянно хотел остаться в одной комнате с Ли Цифэном — проверенная годами сыгранность давала неоспоримое преимущество. Но проклятые роли диктовали свои условия!

По сюжету они с «мужем» находились в состоянии затяжной ссоры. И причиной раздора была как раз Линь На.

Поскольку образ «матери» требовал фанатичной гиперопеки над детьми, они с Ли Цифэном заранее просчитали возможные сценарии. Один из пунктов гласил: если младшая дочь окажется в опасности, мать обязана быть рядом. Проявить равнодушие сейчас означало гарантированно нарушить роль и получить штраф.

Линь Ло капризно хмыкнул, не обращая внимания на разыгравшуюся семейную драму, и потянул Ло Ижання за рукав:

— Жань-жань, пойдем в комнату? Поможешь мне обработать царапины?

Вэйя тут же обернулся и с надеждой произнес:

— Да, Линь Ло самому будет неудобно. Будь добр, сынок, помоги ему с перевязкой.

Ло Ижань лишь мысленно развел руками.

«Похоже, Вэйя вошел во вкус. Подыгрывает просто образцово.»

Ло Ижання и Линь Ло поселили в одной комнате.

Едва за ними закрылась дверь, Линь Ло достал из шкафа аптечку и с преданным обожанием уставился на куклу:

— Жань-жань, ты такой добрый. У самого нога болит, а всё равно соглашаешься мне помочь.

— У меня ведь не руки болят, — с легкой улыбкой отозвался Ло Ижань.

Признаться честно, подобная нежность со стороны Линь Ло вызывала у него внутренний протест. Возможно, дело было в том, что под маской капризного подростка скрывался безумный Иллюзионист, с головы до ног замотанный в бинты. Будь перед ним обычный посторонний игрок, Ло Ижань без труда отыграл бы любую роль, но с этим типом всё шло наперекосяк.

Для крошечных рук куклы все эти бутылочки с антисептиком и рулоны бинтов казались непомерно огромными. К счастью, Линь Ло вел себя на редкость послушно. Он доверчиво склонился к Ло Ижаню, так что его лицо оказалось в паре сантиметров от деревянного личика

марионетки.

В итоге повязка вышла кривой и ненадежной. Однако Линь Ло так не считал: он с сияющим видом разглядывал заклеенное предплечье, а затем принялся вертеться перед зеркалом, изучая пластырь на щеке. Ло Ижань отчетливо улавливал его отраженный взгляд — робкий, но обжигающе пристальный.

«Иллюзионист слишком глубоко увяз в своем амплуа, — подумал Ло Ижань. — А вот мне подыгрывать в любовную драму не очень-то хочется.»

Ло Ижань покосился на свой рюкзак, оставленный на письменном столе друга, собираясь попросить принести его. Но не успел он открыть рот, как Линь Ло внезапно придвинулся ближе:

— Жань-жань, а зачем ты устроил ту каверзу с Линь На?

Настоящей причины Ло Ижань пока не знал, но ложь в данном случае не каралась системой как ООС. Он решил подыграть роли преданного друга и непринужденно ответил:

— Ты ведь её терпеть не можешь, разве нет?

Линь Ло замер. Его взгляд стал кристально чистым, а кончики ушей мгновенно вспыхнули пунцовым цветом. От прежней дерзости не осталось и следа. Смесь юношеской робости и внезапного душевного порыва читалась в его нерешительном вопросе:

— Почему ты так добр ко мне? Неужели...

Чистый, невинный трепет. Он выглядел точь-в-точь как безнадежно влюбленный подросток, который вот-вот признается в своих чувствах.

Ло Ижань на миг растерялся, и в его сознание хлынул поток чужих воспоминаний. Жаркий летний полдень, время обеденного перерыва. В пустом классе только они вдвоем. Солнечные зайчики лениво ползают по партам и полу, а легкий сквозняк перелистывает страницы забытой тетради.

Линь Ло дремал, положив голову на парту. Солнечный луч припекал его ухо, крася его в алый цвет. Ло Ижань поднялся с места и задернул плотные шторы.

Полумрак окутал комнату. Ло Ижань постоял над спящим другом, воровато огляделся по сторонам, а затем, повинувшись внезапному порыву, склонился и мягко коснулся губами его горячего уха.

...

«Твою же мать...»

«Они влюблены друг в друга. Взаимно.»

Это чужое воспоминание внедрилось в его разум так же органично и детально, как и знание о содержимом рюкзака. Ло Ижаню на мгновение показалось, что он действительно ощущает тепло чужой кожи на своих губах.

Заметив, что Линь Ло собирается продолжить свое признание, Ло Ижань мгновенно похолодел.

«Дело принимает скверный оборот. Надо его заткнуть!»

Ло Ижань поспешил перебить его, выпалив на одном дыхании:

— Да потому что ты мой самый лучший друг!

Раз уж они любили друг друга тайно, признание Линь Ло лишило бы Ло Ижана всякой возможности отступить. А резкий обрыв разговора можно было списать на панику — якобы его персонаж испугался, что его тайные чувства раскроют и отвергнут.

Линь Ло растерянно моргнул.

Кукла мысленно перевела дух. Отлично, кризис миновал...

Но в следующую секунду Линь Ло резко опустил голову, и его глаза мгновенно налились слезами.

У Ло Ижана внутри всё екнуло. Предчувствие было самым скверным.

Парень молчал, отвернувшись в сторону. Каждая черточка его поникшей фигуры так и дышала безысходной тоской.

Ло Ижана едва не разобрал нервный смех.

До него наконец дошло. Линь Ло — а вернее, этот чертов Иллюзионист — гениально разыгрывал карту безответной любви. Мол, резкий ответ друга разбил ему сердце.

— Неужели я... совсем тебе не безразличен? — выдавил Линь Ло, с трудом сдерживая слезы. В

его поведении не осталось и следа от прежней ершистости — только хрупкая, обнаженная уязвимость.

Дьявол, у него не было ни единого фальшивого жеста.

Ло Ижань всей душой желал зажать этому манипулятору рот, но его крошечные кукольные руки банально не дотягивались. Пришлось молча выносить этот душераздирающий спектакль.

— Значит... мы всё еще можем остаться друзьями? — с надеждой спросил Линь Ло.

«Да пошел ты со своей дружбой!»

«Решил силой потащить сюжет в эту степь?»

Ло Ижань мысленно скрипел зубами, но внешне отыграл идеальное изумление. Его деревянные глаза широко распахнулись, отражая смятение и внезапную, пугающую догадку:

— Ты... о чем ты сейчас говоришь?

— Неужели ты... — его голос сорвался на прерывистый шепот.

«Какая прелесть...»

Иллюзионист едва сдерживал желание сгрести куклу в охапку. Ему безумно нравилось наблюдать, как Ло Ижань балансирует на грани ярости, изнывая от желания придушить его, но при этом вынужден изображать смущение, надежду и трепетную влюбленность. Да, именно так! Ещё больше страсти, еще больше самоотдачи! Неужели Ло Ижань думал, что этот сценарий был выбран просто ради забавы?

Конечно же, всё это затевалось только ради него.

Ради одного-единственного момента...

— Ты... любишь меня? — в голосе куклы звенела искренняя, испуганная растерянность.

— Конечно люблю, — горячо выдохнул Линь Ло, хотя в глубине его глаз плясали торжествующие искры.

—... Я тоже тебя люблю, — послушно отозвался Ло Ижань, натянув приторно-сладкую улыбку и едва не скрипя деревянными челюстями от бешенства.

Всё это представление разыгрывалось ради одного этого признания.

На лице Иллюзиониста расплылась довольная улыбка.

Слова были произнесены, ловушка захлопнулась. Ло Ижань успел на долю секунды уловить в мимике Линь Ло истинный, безумный оскал своего мучителя, но не успел его обдумать — сознание обожгла очередная вспышка памяти.

... Тот самый душный класс, раскаленный полдень. Ло Ижань целует спящего друга в ухо, испуганно отстраняется и поднимает голову.

В дверном проеме промелькнул чей-то силуэт. Силуэт человека, который в панике бросился прочь.

Их кто-то видел.

<http://bllate.org/book/19836/2223964>